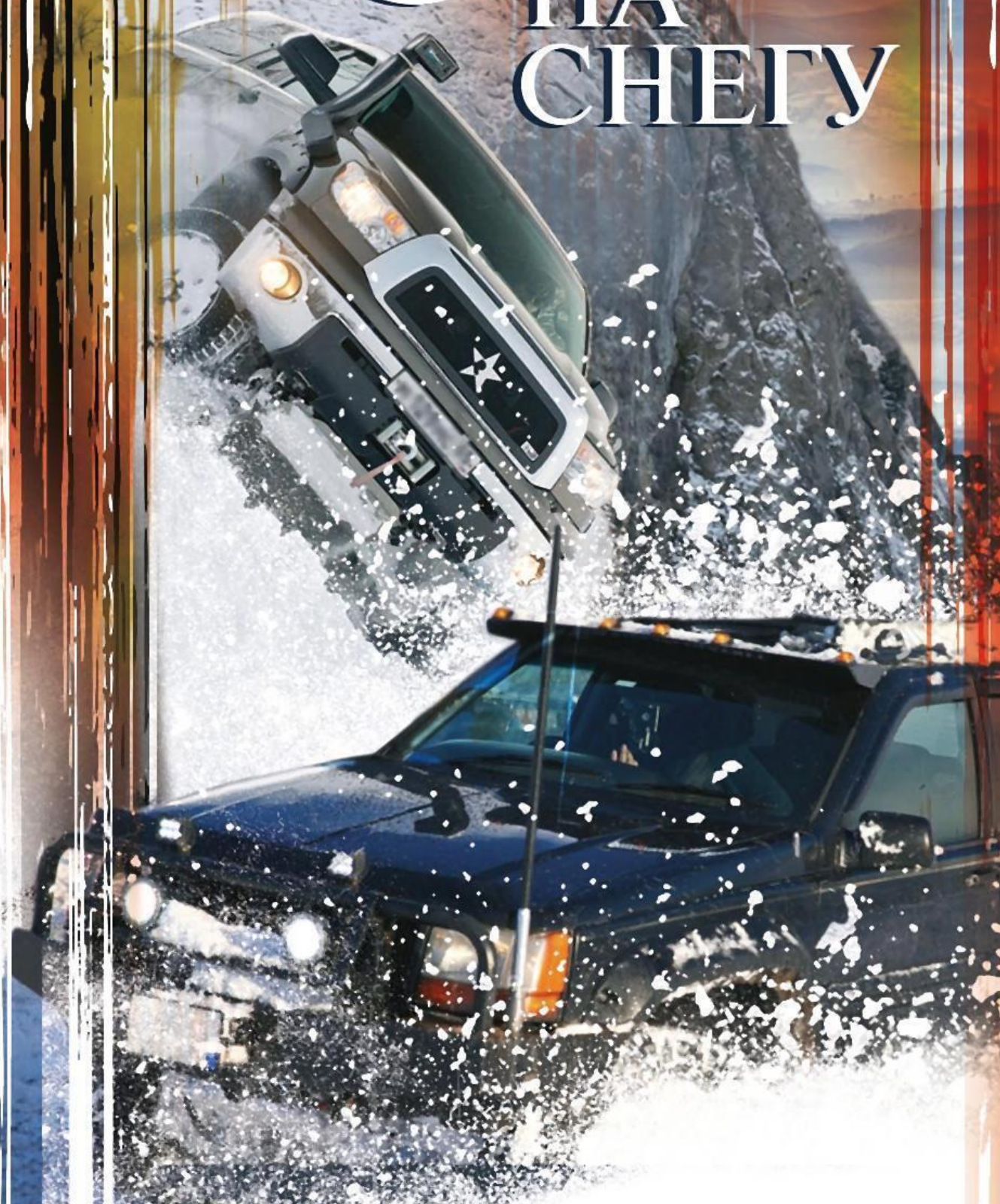

Опасные
удовольствия

ЕКАТЕРИНА ШЕЛЕМЕТЬЕВА

ЛИСИЙ СЛЕД НА СНЕГУ

Опасные удовольствия

Екатерина Шелеметьева

Лисий след на снегу

«Центрполиграф»

2021

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Шелеметьева Е. А.

Лисий след на снегу / Е. А. Шелеметьева — «Центрполиграф»,
2021 — (Опасные удовольствия)

ISBN 978-5-227-10074-0

Московская журналистка Алиса Куратова наткнулась на странные неувязки в громком криминальном скандале, о котором она узнала во время туристической поездки в Исландию. Убийство юной девушки всколыхнуло небольшое островное государство, и его продолжали обсуждать даже спустя три года после ареста и осуждения подозреваемого. Но Алиса сомневалась в правильности расследования и в том, что осужден настоящий виновник преступления. Своими сомнениями она поделилась по телефону с другом юности, специалистом в журналистских расследованиях Дмитрием Стриженовым. А спустя три дня Алиса пропала. Стриженов немедленно вылетел в Исландию, потому что законы настоящей дружбы, которые друзья установили в годы студенчества, не позволяли ему поступить иначе. А главное, он не мог поверить и принять, что в его жизни больше не будет Лисы...

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-227-10074-0

© Шелеметьева Е. А., 2021
© Центрполиграф, 2021

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	21
Глава 5	27
Глава 6	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Екатерина Алексеевна Шелеметьева
Лисий след на снегу
Роман

* * *

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав.

Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

© Шелеметьева Е. А., 2023

© «Центрполиграф», 2023

© Художественное оформление серии, «Центрполиграф», 2023

Пролог

Серое, едва припорошенное снегом полотно дороги петляло вдоль холодного океанского берега по краю фьордов. Острые черные края скал выглядывали из-под бесконечного снежного покрывала, расстеленного повсюду, насколько хватало глаз. Далеко внизу у подножия скал с грохотом и ревом бились о камни высокие океанские волны. Казалось, вон он – край земли. И нет там, за этим краем, больше ничего и никого.

Еще несколько дней назад это зрелище, эта бесконечная дорога и чувство, что ты один в целом мире, на всей земле завораживали Лису. Она петляла на арендованном внедорожнике по дорогам острова, забиралась подальше от людей в самую глушь и любовалась дикой нетронутой суровой красотой этого холодного края. Ее поражало невозможное сочетание льда и пламени: вулканы, дымящиеся горы и языки ледников, как живые, скользящие по равнинам, горячие гейзеры, бьющие каждую минуту, как вселенские часы, океанские волны, наползающие на черный вулканический песок, и одинокие маяки, посылающие сигналы кораблям со своего края земли.

Лису не пугали ни ревушая метель, ни ветер, бросавший ей под колеса целые горы снега, ни перекрытые из-за непогоды дороги, то и дело норовящие поймать в ловушку зазевавшегося путника, заставляющие его петлять, объезжать, менять маршрут и ждать хорошей погоды. Наоборот, стихия, неумная, отчаянная, всемогущая и неподвластная человеку, заряжала ее своей бесконечной энергией, драйвом и свободой. Тогда, в первые дни на острове, Лиса была счастлива.

Но сейчас все стало иначе, не было ни свободы, ни уединения. Каждый нерв, каждая клетка сигналили об опасности. О том, что охотник идет по следу. Что он уже близко. Сжав покрепче руль и вдавив до упора педаль газа, Лиса летела сквозь метель. Она не знала точно, куда едет, просто гнала машину, холодея от ужаса.

Лиса не собиралась умирать. Она не была жертвой. Напротив, еще несколько часов назад она мнила себя охотником, искала следы, преследовала, загоняла в ловушку опасного зверя и надеялась победить. Наивная. Это он выследил ее. Все понял. Опередил. И теперь не даст выбраться с острова. Никто никогда не узнает правду, никто не свяжет вместе две смерти, два тела, двух женщин, русскую и исландку, две истории с промежутком в три года. Ей не спастись, не оторваться от него. Слишком хорошо он знает эти дороги. Его машина новее, быстрее, маневреннее. Гонка одурманивает и опьяняет его. И с каждой минутой у Лисы остается все меньше шансов.

Женщина бросила взгляд в зеркало заднего вида. Он был рядом, едва ли их разделяло и десять метров. Он почти догнал ее, при желании она могла бы разглядеть его глаза – холодные как лед светло-голубые. Теперь она действительно осталась одна в целом мире. Одна против убийцы, которого собиралась остановить и не успела.

Лиса судорожно вздохнула. Повернула руль. Машина свернула на горную дорогу, чуть сбавила скорость и двинулась вверх к перевалу. Чем выше поднимался автомобиль, тем сильнее становились ветер и метель, дорога едва угадывалась в рыхлом белом снегу, видимость постепенно снижалась. На середине пути резкий порыв ветра ударил внедорожник в бок, прижав к скале. Послышался треск. Крыло уперлось в острые камни, на машине осталась глубокая изогнутая царапина. Лиса покрепче сжала руль, выровняла машину. И в следующую секунду утонула в плотном снежном сугробе. Повсюду был снег, плотный, вязкий, непроницаемый. На вершине он превратился в сплошную белую завесу. Видимость упала до нуля, капот автомобиля едва угадывался в снежной пелене, одно неверное, неосторожное движение – и машина полетит вниз с обрыва или ударится о камни.

Лиса бросила затравленный взгляд в зеркало заднего вида, потом на потрепанную бумажную карту на соседнем сиденье. И резко вывернула руль влево, словно хотела развернуться. Машину занесло. Сквозь непроглядную молочно-белую стену прорвался истеричный визг тормозов... Получилось? Должно получиться. Теперь есть шанс спастись. Лиса распахнула дверцу и исчезла в снегу.

Машина, преследовавшая Лису, остановилась в сплошном снежном тумане. Охотник выждал минуту, открыл дверцу, вышел на снег. Не спеша достал с заднего сиденья ружье, огляделся, выстрелил в воздух. Прислушался. Горы, потревоженные выстрелом, гудели и множили звук.

Охота началась...

Глава 1

Первый закон настоящей дружбы

Тремя днями раньше

Резкий отрывистый сигнал телефона нарушил тишину ночи. Один гудок, второй, третий... Дмитрий Стриженов с трудом разлепил глаза, широко зевнул и уставился на электронные часы на прикроватной тумбочке. Часы показывали 2:17 ночи. Стриженов тряхнул головой и снова закрыл глаза. Телефон продолжал звонить.

– Да? – отозвался Стриженов, доставая из-под подушки телефон и нажимая на кнопку.

– Разбудила? – донесся смутно знакомый голос. – Прости. Мне нужно посоветоваться. Если помнишь, ты тоже звонил мне среди ночи, и не раз.

– Лиса? – Дмитрий резко сел, узнав голос давней подруги. – Ты где? Что случилось?

Лиса сама не звонила Стриженову уже лет двадцать, а то и больше. Только отвечала на его звонки, когда он приезжал в Москву в командировки и хотел встретиться.

– Я в Исландии, – усмехнулся голос.

– Где?! – Дмитрий поправил под головой подушку и нахмурился. Шутит она, что ли? Какая Исландия?

– Исландия – островное государство на западе Северной Европы, омываемое Атлантическим и Северным Ледовитым океанами. Ты что, географию не учил?

– Не особо. – Дмитрий окончательно проснулся и теперь пытался вникнуть в происходящее. – Что ты там делаешь?

В трубке помолчали.

– Провожу отпуск. Отдыхаю. Размышляю о жизни. И занимаюсь расследованием. Собственно, я поэтому и звоню...

Стриженов покрепче прижал телефон к уху. Связь с островным европейским государством постоянно прерывалась, и голос Лисы тонул и терялся по пути к Стриженову.

– Слушай, Стриж, я наткнулась на одну историю. Дело трехлетней давности. Совершенно чудовищное событие... нестыковки в ходе следствия. И кажется, я нашла его... – Телефон запиликал, восстанавливая прервавшуюся интернет-связь.

Дмитрий потер слипающиеся глаза и тяжело вздохнул.

– В общем, все это заставило меня внимательнее изучить материалы дела. Стриж, ты меня слушаешь?

– Конечно. Ты на острове в океане осваиваешь мою профессию.

– Да, вроде того. Дашь совет, что делать? Мне данных не хватает.

Дмитрий задумчиво посмотрел на дисплей телефона. Он расслышал далеко не все, что говорила Лиса. Да и мозг в два часа ночи работал процентов на семь от дневной нормы. И все же Дмитрий решил дать Лисе совет.

– Ты в чужой стране собираешь информацию о старом деле? И не просто собираешь информацию, а хочешь во всем разобраться, так?

– Так. – Лиса облегченно вздохнула, а Стриженов продолжил:

– Значит, тебе нужен нормальный источник информации, кто-то свой. Попробуй найти русских журналистов. Там наверняка кто-то есть, наши ребята везде есть. И бога ради, звони чуть раньше.

– Ладно. Спасибо. Дим?

– Что?

Она, казалось, хотела сказать что-то еще, что-то очень важное, но в последний момент передумала.

– Ничего. Потом... Доброй ночи.

Стриженов кивнул и положил трубку. Закрыв глаза, но заснуть уже не смог. «Странно, что Лиса позвонила среди ночи, – думал он, ворочаясь с боку на бок, – странно, что вообще позвонила. Или не странно?»

Сам он порой звонил ей по ночам. Чем немало осложнял Алисины отношения с мужем.

Но, во-первых, Стриженов звонил только в исключительных случаях, как тогда, когда раскрыл дело кукловода. А во-вторых, сам он по большей части вел ночной образ жизни, поэтому и советы давней подруги ему требовались исключительно по ночам. Алиса же позвонила, в сущности, из-за ерунды или нет? «Что она там говорила? Наткнулась на нестыковки в старом деле? Надо будет потом расспросить ее подробнее». – Дмитрий глубоко вздохнул и закрыл глаза. В конце концов, первое правило дружбы он выполнил: ответил на звонок и дал ценный совет.

Когда-то давно, еще в университете на первом или втором курсе факультета журналистики, Дмитрий, Лиса и еще пара ребят из их группы придумали «Правила настоящей дружбы». Эдакие требования к людям, которые решили стать друзьями однажды и на всю жизнь. Тогда-то, двадцать пять лет назад, эти простые, в чем-то наивные правила прочно засели в голове у Стриженова, и, даже став серьезным журналистом, он продолжал следовать им неизменно и точно.

Первое правило гласило: другу можно позвонить в любое время дня и ночи, если этого требуют обстоятельства. Он должен выслушать тебя и дать дельный совет. В общем-то, настоящими друзьями Дмитрий всю жизнь считал именно тех, кому можно было позвонить в три утра и рассказать о своих бедах. Московский тележурналист Алиса Куратова уже больше двадцати лет возглавляла этот список.

Справедливости ради, Лиса и Стриженов не всегда были только друзьями. Еще студентами они начали встречаться. На третьем курсе Лиса переехала к Стриженову в маленькую съемную однушку. На четвертом курсе они завели общую кошку. А полгода спустя Дмитрий позвал Лису замуж. Но их планам не суждено было осуществиться. Каждый из них строил карьеру в журналистике и отчаянно мечтал уехать из родной провинции. В конце концов работа развела их по разным городам. Дмитрий поскитался по миру, долго работал в Германии, потом переехал в Питер, где трудился в печатных СМИ, пока двенадцать лет назад не начал писать журналистские расследования для крупного аналитического издания. Лиса перебралась в Москву, работала сценаристом на новостном канале, вышла замуж за менеджера среднего звена, родила троих детей.

И все-таки они дружили. Все эти годы, несмотря на несостоявшуюся свадьбу, Алисину семью, стриженовских подруг, работу, кредиты, бытовые проблемы, они дружили. Стриженов звонил Лисе каждый раз, приезжая в Москву. Они встречались в парках, барах и ресторанах, гуляли по набережным, разговаривая обо всем на свете, делясь друг с другом любыми секретами. Лиса не раз и не два помогала ему с расследованиями, знакомила с нужными людьми, выслушивала рабочие версии и гипотезы, искала информацию. Она хохотала, слушая стриженовские байки, пила с ним вино при встрече и так тепло обнимала на прощание, что Стриженов каждый раз боялся окончательно потерять голову и увезти бывшую подругу подальше от шумной Москвы, мужа и детей куда-нибудь на далекий необитаемый остров. И вот сейчас впервые за все эти годы после университета Лиса сама позвонила Стриженову среди ночи. Зачем? Просто так, услышать голос, спросить совет? Нет, это было на нее не похоже.

Уже засыпая, Дмитрий подумал, что, возможно, у Питера и Рейкьявика разные часовые пояса и Лиса просто забыла про разницу во времени. Но проверять эту гипотезу Стриженов не стал.

Следующие дни Дмитрий Стриженов воевал на работе с ветряными мельницами: разбирался в коррупционных схемах при строительстве петербургских дорог. Чем больше детектив от журналистики погружался в тему, тем отчетливее понимал: даже их свободололюбивое издание не рискнет опубликовать его материал. Слишком странными и запутанными были финансовые махинации в этой отрасли, они плотно опутывали множество людей и компаний и тянулись далеко за пределы родного города. Западный скоростной диаметр так вообще напоминал астрономическую черную дыру, куда с огромной скоростью стекался поток денежных средств и других ресурсов. А горожане, как и раньше, стояли в многокилометровых пробках и ругали бесконечные дорожные работы.

За двадцать пять лет в журналистике Стриженов растерял множество иллюзий и прекрасно понимал, что некоторые темы ему просто не по зубам. И вообще никому не по зубам, и лезть в них дело неблагодарное. Размышляя так, Дмитрий по привычке потирал левый бок, где белел грубый и неровный шрам от ножевого ранения. Не единственного, но самого опасного за продолжительную журналистскую карьеру.

Пять лет назад, лежа в больнице с внушительным отверстием в боку, Дмитрий впервые почувствовал, что ему уже не двадцать лет и что в жизни должно быть что-то кроме работы. А то как-то глупо и стыдно предстать перед Создателем опытным журналистом, который писал по шестьдесят-семьдесят тысяч знаков каждый месяц, но ничего не изменил в окружающем мире, ничего не построил, не создал, никого по-настоящему не любил.

Конечно, Стриженов любил свою профессию. Любил преданно, фанатично и несмотря ни на что. И профессия отвечала ему взаимностью. По крайней мере, Стриженов сделал блестящую карьеру: стал уважаемым журналистом высочайшего уровня, гордостью издания, мастером аналитических материалов и расследований. Его фамилия открывала многие двери, его уважали коллеги, боялись чиновники. Стриженов знал, что он профессионал, вид редкий и, пожалуй, вымирающий, этакий динозавр от журналистики. Но если раньше этого знания ему вполне хватало для счастья, то в последние годы он все отчетливее желал какой-то другой жизни. Той, где самым важным номером в его телефоне будет не прокуратура, не следственный комитет и не редакция.

Тогда, после больницы, в погоне за новой жизнью Дмитрий начал писать детективные рассказы и даже завел два года назад вполне серьезные отношения с юной длинноногой блогершей Марго. Но и тут ничего не сложилось. Подруга сбежала от Стриженова в жаркую Италию, а он так и остался в сером ветреном городе среди дорожных пробок, коррупционных схем, летучек и редакционных заданий. И теперь снова и снова обходил и обзванивал знакомые чиновничьи кабинеты и задавал множество неловких неудобных вопросов, ответы на которые давно уже знал.

Глава 2

Исчезнувшая

Пожалуй, из всех рабочих дней Стриженов больше всего ненавидел понедельники, когда редактор собирал сотрудников на летучку и долго, нудно расспрашивал их о ходе работы, и любил среды, когда занимался мониторингом мировых новостей. В такие дни он пораньше приезжал на работу, наливал в кружку терпкий растворимый кофе без сахара и садился за офисный монитор.

В то утро как раз была среда, и Стриженов разбирался с новостями из Европы. Наморщив лоб, он читал тревожные статьи о распространении нового вируса, об угрозе пандемии, сложных политических отношениях России и Евросоюза, о санкциях и новых законодательных инициативах, когда одна короткая новость привлекла внимание журналиста.

Русская туристка пропала в Исландии

В Исландии пропала без вести туристка из России. Сорокалетняя москвичка прибыла в Рейкьявик десятого января и должна была покинуть остров в минувший понедельник. Когда женщина не приехала в аэропорт, ее родственники обратились в посольство Исландии с просьбой разыскать пропавшую. Полиция острова начала поиски. Спустя сутки машина, арендованная туристкой, была найдена в восточной части острова на горном перевале Экси. Женщины в машине не оказалось. Дальнейшие поиски с участием собак и кинологов также не дали результатов.

Дмитрий дважды перечитал новость и наморщил лоб. Нет, это просто совпадение. Мало ли в Исландии туристок из России? А сорокалетних москвичек, путешествующих в одиночестве? К тому же Лисе сорок четыре. Но с другой стороны, сейчас январь. Недавно закончились новогодние праздники, большинство людей вернулось к обычной жизни с трудовыми буднями. Да и зимой Исландия не может похвастать тысячами туристов... И все-таки это, должно быть, совпадение.

– Пропала без вести, – повторил Стриженов и сильнее нахмурился.

Он взял телефон и набрал номер Алисы. «Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети», – сообщил Стриженову механический голос. Дмитрий щелкнул на кнопку мыши, зашел в соцсети и методично проверил аккаунты Алисы в соцсетях. Там было тихо и пустынно. Лиса не появлялась в Сети уже три дня. Не похоже на нее.

Стриженов закрыл вкладки со страницами соцсетей и вернулся к мониторингу новостей. Минут пятнадцать-двадцать он меланхолично просматривал сайты, делал пометки в рабочем блокноте. Пробежал глазами десятки заголовков на немецком и английском языках. Пока боковым зрением не выхватил текст на рекламном баннере внизу экрана: «Дарвиновская лисица – находящийся под угрозой исчезновения вид». Стриженов смотрел на заголовок и все отчетливее понимал: Лиса исчезла. Пропала где-то в горах Исландии. Или все-таки нет? И это просто глупое, досадное совпадение, и полиция острова ищет среди безграничных снежных полей другую женщину?

Стриженов тяжело вздохнул, вытащил из нижнего ящика стола одну из своих потрепанных записных книжек и стал искать нужный номер. Перелистывая желтоватые страницы, Дмитрий привычно подумал, что он, вероятно, последний на земле журналист, записывающий важ-

ные номера в записную книжку. Что поделывать, телефонам, сим-картам и облачным сервисам он не доверял. Отыскав нужный номер, Стриженов, не раздумывая, позвонил.

– Олег? Это Дмитрий Стриженов, друг Лисы... то есть Алисы, – неуверенно начал Стриженов. С мужем давней подруги у него сложились довольно холодные, натянутые отношения, и, набирая его номер, Дмитрий порядком нервничал. – Я не смог сейчас связаться с Алисой, а на днях она звонила, задавала профессиональные вопросы. И вот решил уточнить...

– Она тебе звонила?! Когда? – Муж Лисы резко перебил Стриженова. – Что она сказала?!

– Звонила. Да уже давно, неделю назад, ну, может, дней шесть. Сказала, что в Исландии, в отпуске. Спрашивала, как собирать информацию о старых делах. – Стриженов так растерялся, что сказал больше, чем планировал. Впрочем, Олега его откровенность не интересовала.

– Ясно. – Голос на том конце телефонной линии стал бесцветным и разочарованным.

Дмитрий с трудом подавил плохое предчувствие и строго спросил:

– Что происходит? Где Лиса?

– Алиса пропала. Не вернулась из поездки в Исландию. Ее внедорожник нашли на обочине на очень опасном перевале. Была метель, плохие погодные условия, практически нулевая видимость. Возможно, машину занесло, Алиса не справилась с управлением... В местной полиции считают, она запаниковала, сама распахнула дверцу и выпрыгнула, опасаясь, что машина упадет с обрыва. Они думают, наша Алиса... погибла. – Олег глухо застонал. – Господи, я не знаю, что сказать детям. Отправил младших к бабушке, а Димка в общежитии, злится на меня, так злится. Винит в этом кошмаре. И от этого только хуже.

Стриженов молча слушал сбивчивую речь Олега и быстро соображал. Итак, Алиса Куратова действительно пропала в Исландии – это раз. Полиция считает, что она погибла, следовательно, ее уже не ищет – это два. Если Стриженов знал что-то абсолютно точно, так это то, что рыжая Лиса не могла запаниковать даже в самой экстремальной ситуации, она всегда действовала взвешенно и продуманно – это три. Она очень опытный водитель, закаленный в московских пробках и на сибирских дорогах. Ездить Лису учил дядя, дальнбойщик с огромным стажем, – это четыре. И незадолго до исчезновения Алиса звонила Стриженову среди ночи, просила дать ей совет по громкому и резонансному старому делу – пять.

Стриженов перебрал в уме все факты, глубоко вздохнул и спросил:

– Олег, тебе нужна помощь? Хочешь, я позвоню в МИД, у меня там есть знакомый, может, удастся надавить на правительство Исландии, убедить их возобновить поиски. Можем связаться с местными журналистами, поисково-спасательными отрядами.

На том конце повисла долгая, тяжелая пауза.

– Нет, Стриженов. Ничего не нужно, – наконец сдавленно произнес Олег.

– Почему? – Дмитрий непонимающе наморщил лоб. – Она пропала, ты что, не собираешься ее искать?! Может, ей нужна помощь!

– Она погибла, – послышался из телефонной трубки сдавленный голос.

Дмитрий дернулся от этих слов, как от выстрела. Сжал кулаки и, стараясь говорить спокойно, попытался достучаться до Алисиного мужа.

– Послушай, Олег, пока нет тела, есть надежда. Ее нельзя считать погибшей. Я работал над делами пропавших, знаю, что говорю. Давай я...

– Нет! Не лезь в это дело, Стриженов. Хватит! Хотя бы теперь оставь нас в покое. – Олег перебил журналиста и теперь говорил все громче и злее. – Ты что, хочешь, чтобы мы с детьми питали бессмысленные надежды, что она отыщется, вернется, а потом снова и снова разочаровывались? Нет! Я скажу детям, что Алиса разбилась в горах, они погорюют, потом оправятся и смогут жить дальше. Понимаешь?! Жить дальше. Не изводить себя бессмысленной надеждой, сомнениями, мыслями. Жить! Хотя что ты можешь понимать?! У тебя нет детей, нет семьи, и ты год за годом разрушал нашу. – Олег перешел на крик. – Слышишь, Стриженов? Это ты виноват, что мы ссорились все время. Ты вечно звонил среди ночи, ты виделся с ней,

приезжал, гулял, рассказывал ей байки о своей замечательной жизни, полной приключений и путешествий. Ты думаешь, легко мне было терпеть ваши встречи? Когда она приходила домой за полночь, пьяная, счастливая, с этим шальным блеском в глазах. Когда наутро она часами задумчиво смотрела в окно. Скользила по мне взглядом и жалела, что я – это не ты. Но я терпел, терпел пятнадцать лет, из года в год, снова и снова. Потому что любил ее. Принимал. Мирился, что ты ее друг. Друг, черт побери! Могу себе представить, как вы дружили! Если бы не ты, мы бы поехали в отпуск вместе: в Турцию, в Тай, в Грецию, в конце концов, и она не оказалась бы одна среди снега и льда и была бы жива. Жива! А теперь ее нет. Даже если она выжила после аварии, среди зимы, льда и снега у нее не было шансов. Ни одного. – Олег сдавленно всхлипнул и зло подытожил: – Так что пошел ты к черту, Стриженов!

Из телефона донеслись частые гудки. Олег бросил трубку. Дмитрий ошарашенно смотрел на телефон, привычно барабанил пальцами по столу. Затем резко поднялся, набросил куртку и вышел из здания редакции. Ему хотелось пройтись.

На улице было сыро и промозгло. Вместо снега на обочинах дорог плавильсь от реагентов грязно-желтые кучи льда и снега. По широкому проспекту неслись машины. Откуда-то издали слышались залпы фейерверка, кто-то продолжал отмечать наступление Нового года. Стриженов поежился от холода и ветра, застегнул молнию на куртке. Прислушался к себе и понял, что холод идет изнутри. Дмитрия лихорадило. Как ни старался он просто идти по улице куда глаза глядят и ни о чем не думать, мысли снова и снова возвращались к Алисе и к разговору с Олегом.

Стриженов понимал, что исчезновение Лисы – огромное горе для ее семьи. Понимал он и чувства людей, годами разыскивающих своих родственников, тех, кто до последнего надеется найти без вести пропавших, надеется даже тогда, когда больше нет ни одного повода ждать и верить.

По работе Дмитрий часто сталкивался с такими людьми, видел, как они тревожно вглядываются в чужие лица, словно хотят найти там ответы на свои вопросы. Хотят узнать, что случилось. Ищут уже даже не самих пропавших, а только покоя для себя. Эти люди говорили порой совершенно бессмысленные вещи и все сильнее день ото дня теряли связь с реальностью. Нет, никому бы Дмитрий не пожелал оказаться на их месте. Особенно близким Лисы. И все же слова Олега шокировали Стриженова: неужели муж Алисы действительно готов смириться с ее смертью, неужели он в самом деле считает, что Стриженов годами разваливал брак подружки? Был причиной ссор и скандалов и в конечном итоге опосредованно, но все же стал виновником ее исчезновения, ее гибели?

На последнем слове Дмитрий запнулся. Нет, этого просто не может быть, Лиса не могла погибнуть. Она где-то там на острове, она однозначно жива, в этом можно не сомневаться.

Стриженов зашагал еще быстрее, постепенно переходя на бег, прогоняя дрожь и озноб, избавляясь от тревожных мыслей. Несколько часов он кружил по городу, двигаясь то шагом, то бегом, пока мышцы не одеревенели, не отказались слушаться. Он размышлял, чем помочь Лисе, игнорировал настойчивое жужжание телефона, работу, ледяной ветер и промозглую январскую стужу.

Стриженов вспоминал Алисин голос, смех, запах ее духов, теплый, терпкий аромат от Dolce & Gabbana, он так любил этот запах. Вспоминал рыжие волосы, волнистой копной спадающие на плечи, ее пьянящие медовые глаза, родинку в уголке губ. Ее тонкие длинные пальцы, которые она порой запускала ему в волосы, проходя мимо.

Он мысленно спорил с мужем Алисы, уговаривал его не сдаваться, искать. Упрекал за недоверие, за пошлые намеки, звучавшие в разговоре. Неужели Олег в самом деле думал, что Алиса изменяет ему? О нет. Лиса никогда бы так не поступила. Их отношения со Стриженовым балансировали на тонкой грани, они шутили и заигрывали друг с другом, обнимались при встрече, и раз или два за все эти годы Дмитрий поцеловал Лису на прощание. Он остро скучал

по ней, когда они не виделись несколько месяцев, и она скучала. Но больше упрекнуть их было не в чем.

Глава 3

Дело Бьянки Йонсдоттир

В тот день в редакцию Стриженов больше не возвращался. Когда стемнело, он добрел до своей квартиры на северной окраине города. Сварил себе макароны, щедро посыпал их сыром и сел за стол. Он меланхолично жевал макароны и листал еще одну записную книжку, намереваясь позвонить бывшему коллеге, который несколько лет назад удачно устроился в пресс-службу МИДа и теперь делал головокружительную карьеру на мировой арене. Несмотря на протесты Олега, Стриженов решил не сдаваться и попробовать возобновить поиски Алисы Куратовой.

Но не успел журналист отыскать телефон знакомого, как у него самого протяжно запиликал мобильник. Звонили с неизвестного номера, и Стриженов, вопреки обыкновению, ответил.

– Дмитрий Константинович, здравствуйте. Это Дима Соломятников, – раздался в трубке неуверенный мальчишеский голос.

– Кто? – раздраженно переспросил Стриженов. Только детей ему сейчас не хватало.

– Дима, сын Алисы Куратовой. Мы с вами встречались однажды, лет шесть назад, помните? – Голос у звонившего был тихий и немного растерянный.

– Да-да, конечно. – Стриженов запоздало вспомнил, что мужа Лисы зовут Олег Соломятников, и их дети носят его фамилию. А Лиса после свадьбы фамилию не меняла, сказала, что слишком долго работала на фамилию, чтобы начинать все сначала. Еще Стриженов вспомнил Диму – худого, нескладного подростка, лет двенадцати-тринадцати. Впрочем, виделись они давно, и мальчик, должно быть, сильно вырос, сейчас ему лет восемнадцать.

– У вас есть время? Вы можете меня выслушать? – Парень прервал размышления Стриженова. – Я хочу поговорить о маме. Отец сказал, вы звонили сегодня, говорили, мама связывалась с вами на днях, предлагали помощь. Он, конечно, отказался. Он не верит, что ее... – юноша запнулся, – не верит, что найдут.

– Да, он это сообщил весьма доходчиво и недвусмысленно. Но я все равно позвоню друзьям из Министерства иностранных дел, объясню ситуацию, и Лису будут искать. Можешь не сомневаться, – пообещал Стриженов.

– Спасибо. Но я не об этом хотел поговорить. Дмитрий Константинович, а зачем мама вам звонила?

Стриженов немного помолчал. Честно говоря, он совершенно не собирался пересказывать мальчишке свой разговор с Лисой. Да он, признаться, и не знал, зачем звонила Лиса. Но что-то в голосе парня заставило его передумать, и журналист сухо сообщил:

– Она задала вопрос по работе. – Он помолчал немного и пояснил: – Хотела узнать, как найти информацию о старом, уже закрытом, уголовном деле.

– Так я и думал. Дмитрий Константинович, послушайте, в день исчезновения мама прислала мне на телефон странное письмо. Вернее, не письмо, а вордовский файл с заметками, статьями. Я не мог понять, что это значит и почему она отправила документ мне. А сегодня отец рассказал о вашем звонке, и я подумал, что, возможно, документ предназначался вам. – Голос парня дрогнул от нахлынувших эмоций.

Стриженов молчал, и парень принялся объяснять свою мысль:

– Мы тезки. Я у нее в телефоне записан как «Дима сын», а вы как «Дима Стриж». Контакты идут друг за другом. Мне кажется, она торопилась и случайно отправила документ мне. А на самом деле хотела показать его вам. Там что-то важное, какое-то убийство, расследование. Это было очень значимо для нее. Я уверен. Я перешлю его вам. Вы посмотрите и разберетесь, – не спросил, а скорее констатировал парень. – Думаю, там, в Исландии, что-то случилось, мама

стала свидетелем какого-то преступления или еще чего-то и поэтому... – он снова запнулся, – поэтому она исчезла.

Стриженов внимательно слушал парня и вспоминал слова Лисы. Что она говорила тогда среди ночи? Связь прерывалась, он слышал далеко не все, но, кажется, она сказала: «Наткнулась на чудовищное событие... заметила нестыковки в ходе следствия». Фразы неповоротливые, официальные, как из учебника права. Сразу чувствуется, Алиса не на своей территории, она взялась за что-то непривычное. А потом, в день исчезновения, выслала Стриженову документы, но торопилась и перепутала получателя. Такое возможно.

– В день исчезновения, – негромко повторил Стриженов, – может быть, прямо из машины за несколько минут или секунд до аварии.

– Да, наверное, – согласился парень. – А это важно?

– Да. Это все меняет. Не вяжется с версией о несчастном случае.

«Черт! Похоже, мальчик прав: Лиса ввязалась в историю», – подумал Стриженов, а вслух скомандовал:

– Присылай файлы, я все посмотрю и постараюсь разобраться! И еще: Дима, почему Лиса вообще поехала в Исландию, да еще одна?

– Ну, она всегда мечтала там побывать, а отец... он не поддерживал идею, – неуверенно начал Дима. – Говорил, дорого, холодно, один снег, никакого отдыха, жалко отпуск тратить на такое. И мама все откладывала, откладывала поездку, лет десять, наверное. А осенью я поступил на журфак, съехал в общагу. Родители остались только с девочками, и что-то сломалось у них. Ссорились, спорили, не разговаривали друг с другом... – Он замолчал, то ли смутившись, то ли что-то обдумывая.

– И?... – поторопил парня Стриженов. – Дальше что?

– И месяц назад она собралась поехать в Исландию одна. Билеты купила, отель забронировала, еще хвасталась мне, какой шикарный отель, в самом центре, совсем рядом с Хальгримскirkья.

– С чем? – недовольно переспросил Стриженов.

– С лютеранской церковью в центре Рейкьявика. Она символ Исландии. Так вот, мама все это подготовила, а потом просто поставила отца перед фактом, что уезжает. И он ее отпустил, хотя они всегда отдыхали вместе, и еще он считал, что после Исландии... – Парень опять запнулся.

– Что после Исландии? – Стриженов напряг слух.

– Что она не собиралась к нему возвращаться.

Дмитрий вздохнул. Так вот в чем дело: Лиса подумывала уйти от мужа. Поэтому уехала в Исландию одна и сказала в том ночном разговоре, что размышляет о жизни. Поэтому сын винит Олега в ее исчезновении и поэтому старший Соломятников так разозлился во время разговора со Стриженовым. Все это многое объясняло, но никак не помогало понять, что же случилось с Лисой.

– Дмитрий Константинович, – тихий голос отвлек Стриженова от его мыслей, – вы же выясните, что случилось с мамой? Знаю, отец просил вас не лезть, но...

– Да, я выясню. Обязательно, – скорее самому себе, чем собеседнику, подтвердил Стриженов и, не прощаясь, отключился.

Прошло секунд семь, и его телефон снова пикинул. Сын Лисы прислал сообщение, полученное от матери в день исчезновения. Стриженов открыл вордовский файл и пробежал глазами тексты на русском и английском. Это была подборка статей или новостных заметок. Насколько журналист смог разобрать, все материалы были посвящены одному делу. Убийству девушки, произошедшему три года назад в Исландии.

Дмитрий подошел к рабочему столу, заставленному всевозможной техникой. Распечатал на принтере статьи, собранные Лисой, удобно устроился на диване и углубился в чтение.

Постепенно он разобрался, что за чудовищное преступление произошло в Исландии и как его расследовали. Так или иначе, смысл всех статей сводился к следующему: три года назад в Рейкьявике произошло чудовищное преступление, взбудоражившее этот спокойный и мирный остров, – была похищена и жестоко убита двадцатилетняя девушка Бьянка Йонсдоттир.

13 января 2017 года около пяти утра она вышла из популярного ночного клуба в центре Рейкьявика, где веселилась с друзьями, но до дома так и не добралась.

Спустя сутки после исчезновения девушки полиция приняла у родственников заявление о пропаже и официально начала поиски Бьянки. В первую очередь детективы отследили ее телефон. В последний раз он включался в ночь исчезновения в порту города Хабнарфьордюр, в десяти километрах от Рейкьявика. Но в шесть утра телефон выключили.

Тогда полицейские просмотрели записи с видеокamer рядом с ночным клубом, где Бьянку видели в последний раз. На камерах видно, как нетрезвая девушка идет по хорошо освещенным улицам, затем сворачивает за угол, где нет камер, и исчезает из поля зрения.

Изучив множество видеозаписей, детективы обнаружили первую зацепку. В то время, когда пропала Бьянка, по той же улице проезжал красный «kia-рио». В полиции предположили, что владелец автомобиля мог видеть или даже подвозить девушку, и автомобиль стали искать.

Вскоре стало известно, что машина принадлежит прокатной компании и в ночь исчезновения Бьянки автомобиль брал в аренду Николас Мосс, моряк с гренландского рыболовного судна. Когда полиция нашла и осмотрела автомобиль, выяснилось, что «kia-рио» тщательно вымыли с использованием химикатов. Тем не менее, обработав заднее сиденье машины люминолом, криминалисты смогли обнаружить следы крови. А на следующий день в доках, недалеко от причала, где стоял гренландский корабль, поисково-спасательный отряд нашел ботинки Бьянки.

Теперь гренландский моряк из свидетеля превратился в главного подозреваемого. Однако задержать его не удалось. Гренландское судно с моряком на борту уже вышло из порта и направлялось на родину. Полиция и спецназ острова развернули масштабную международную операцию и добились возвращения судна в порт. Как только корабль вернулся в Исландию, Николас Мосс был арестован. В тот же день полицейские обыскали корабль и нашли в каюте подозреваемого двадцать три килограмма гашиша, а также водительское удостоверение пропавшей девушки.

Во время допроса в полицейском участке Николас сообщил, что машину он взял в прокат, чтобы забрать из бара пьяного друга. На обратном пути моряки действительно подобрали двух девушек. Вернее, они остановились на улице возле двух спорящих девушек, но в машину села только одна – Бьянка, что выяснилось уже в порту. Тогда второй моряк отправился на корабль, а Николас пересел к Бьянке, собираясь, по его словам, ее поцеловать. Однако девушка была сильно пьяна, ее тошнило, и матрос сразу пожалел, что связался с ней. По словам моряка, он подвез девушку до трассы за портом, высадил на перекрестке, где останавливается автобус, и поехал кататься по побережью.

Несмотря на то что второй матрос на допросе подтвердил слова друга, полицейские не поверили Николасу Моссу, уличенному к тому же в хранении наркотиков, и задержали его по подозрению в убийстве. Однако тело девушки до сих пор не было обнаружено.

В это же время исландцы развернули самую масштабную поисковую операцию в истории острова. Тысячи людей, от членов официальной организации до добровольцев, вышли на поиски девушки. Они сутками прочесывали местность в окрестностях Рейкьявика и порта.

Спустя неделю после исчезновения в шестидесяти километрах от столицы острова, на вулканическом пляже, нашли обнаженное тело Бьянки. Эксперты подтвердили, что девушку душили, а потом еще живую выбросили в море. Официальной причиной смерти стало утопление, Бьянка Йонсдоттир захлебнулась.

Через некоторое время двадцатипятилетний матрос Николас Мосс предстал перед судом. Он был осужден за убийство и хранение наркотиков и приговорен к девятнадцати годам тюрьмы. Несмотря на явные доказательства вины, Николас так и не признался в убийстве девушки и дважды подавал апелляцию.

Стриженов закончил читать и еще раз просмотрел тексты. Лиса не просто собрала все эти статьи, прочитала и досконально изучила. Она явно искала в материалах нестыковки, странности, спорные моменты. Отдельные слова, фразы и целые абзацы статей были выделены и подчеркнуты, кое-где на полях стояли вопросы и восклицательные знаки. А последняя фраза о том, что гренландский матрос так и не признал вину, была подчеркнута жирной красной линией.

Стриженов закрыл глаза, мысленно превращая прочитанные статьи в документальный фильм.

«Я наткнулась на дело трехлетней давности», – отчетливо прозвучал в голове у журналиста взволнованный голос Лисы.

– Да, я знаю, дело Бьянки. Самое громкое преступление Исландии, – ответил голосу Стриженов, – почему оно заинтересовало тебя? Дело раскрыто. Преступник в тюрьме, девушка мертва. Газеты разных стран еще три года назад наперебой рассказывали эту историю, смаковали нюансы и факты. В Сеть выложили практически полный отчет о поисках Бьянки. По часам расписали, что и когда предпринимала полиция.

Ты же сама нашла не меньше десятка статей, почти слово в слово повторяющих друг друга.

«Совершенно чудовищное событие, и мне невооруженным глазом видны нестыковки», – отозвалась Лиса.

– Нестыковки?! – Дмитрий посмотрел на пометки Лисы в статьях о деле Бьянки. Раздумывая о чем-то, побарабанил пальцами по столу. – Ладно, Лиса, ты пропала. Зацепок у меня никаких, только этот файл с миллионом пометок, подчеркиваний и вопросительных знаков и наш телефонный разговор. И может, все это никак не связано с твоим исчезновением, может, ты действительно выпрыгнула на горном перевале из машины прямо в пропасть, потому что испугалась, потеряла управление и запаниковала? Но тогда почему в день исчезновения ты выслала мне эти файлы? Да так торопилась, что перепутала получателя, не успела написать, что и зачем отправляешь. Должно же быть какое-то объяснение? Я попробую разобраться... Я попробую, Лиса.

Стриженов помолчал, словно надеялся, что голос в его голове ответит. Не дождался. И чтобы разогнать тишину, принялся вслух читать статьи и выписывать все моменты, заинтересовавшие Лису. Временами Дмитрий сверялся с гугл-переводчиком, интернет-источниками, статьями об Исландии, дорожными картами острова.

Прошло часов пять. Давно наступила ночь, а журналист все еще работал над материалами дела. Постепенно Стриженов нащупал нить Алисиных рассуждений, стал понимать, почему те или иные фразы в статьях подчеркнуты. Вслед за Лисой он сравнивал данные из разных источников, старательно собирая историю целиком.

Было около трех утра, когда Стриженов, как и Лиса, понял, что в деле Бьянки Йонсдоттир действительно есть ряд нестыковок. Даже мелочей, вопросов, на которые никто не обратил внимания, но без них картинка не желала складываться и разваливалась, как бы Стриженов ни убеждал себя, что дело давно раскрыто, а виновный наказан. Стриженов взял со стола лист бумаги и выписал все эти мелочи и странности в один список.

Получилось следующее:

13 января 2017 года Бьянка проводила вечер в баре с друзьями, а затем вместе с ними отправилась танцевать в модный городской клуб «Хурра». Около двух ночи друзья девушки уехали домой, а Бьянка решила остаться в клубе. Почему среди ночи молодая девушка решает

остаться в клубе одна? Может, ей понравился кто-то из посетителей? Или у нее была назначена встреча? В любом случае должна быть причина.

В 5:25 утра Бьянка вышла из клуба и пошла по центральным улицам Рейкьявика. На камерах видно, что она одна. Но оба арестованных моряка будут независимо друг от друга утверждать, что остановились они возле двух девушек. Была ли вторая? Кто она и почему полиция не заинтересовалась этими показаниями? Возможно, в этом деле был еще один свидетель или подозреваемый.

Через два дня после исчезновения Бьянки в порту города Хабнарфьордюр добровольцы нашли ее ботинки. Однако других следов девушки в порту не обнаружили ни люди, ни собаки-ищейки. На подошве найденных ботинок криминалисты нашли снег, хотя в ночь исчезновения Бьянки и в последующие дни снега в Рейкьявике и окрестностях не было. Изначально полицейские не исключали, что обувь в порт просто подбросили, и это кажется вполне вероятным, но кто мог ее подбросить, если убийца гренландский моряк?

Во время поисков Бьянки вся страна объединилась, чтобы отыскать девушку. Повсюду звучали лозунги: «Сегодня она наша сестра и дочь», «Мы живем в обществе, где не закрывают глаза на подобные преступления», старожилы заявляли: «Никто из исландцев такого совершить не мог». И тут подозрение падает на гренландских моряков, которые к тому же перевозят крупную партию наркотиков. Удобно! Такое стечение обстоятельств всех устраивает. Пожалуй, даже слишком удобно, так что в детали и мелкие нестыковки расследования никто уже не вникал.

При этом странно и то, что в хранении и распространении гашиша обвинили только одного моряка, а не половину экипажа судна. Наверняка за перевозкой такой крупной партии, которую журналисты мгновенно оценили в полтора миллиона евро, стояла целая организация. К слову, откуда и куда моряк доставлял наркоту?

Также к странностям этого дела можно отнести следы крови на заднем сиденье машины. Самое крепкое, практически неоспоримое доказательство вины Николаса Мосса. Однако, судя по данным следствия, на теле Бьянки, когда ее нашли, не было ни порезов, ни ран. Ее душили. Так откуда в машине кровь? Моряк говорит, кровь пошла у девушки из носа. Может ли это быть объяснением? Если Бьянка сидела и кровь шла у нее из носа, она попала бы на одежду девушки, но не на сиденье автомобиля. А одежду так и не нашли... Что тоже довольно странно.

Стриженов побарабанил пальцами по столу и записал следующий пункт в свой список нестыковок.

Бьянку нашли полностью обнаженной, но без следов сексуального насилия. Предположим, она отказала подвыпившему моряку, и он задушил ее в порыве ярости. Но зачем потом раздевать, прятать или сжигать одежду? Если убийца моряк, одежда девушки никак на него не указывала, не обличала. Наоборот, Бьянку, одетую во все черное, было бы сложнее заметить на вулканическом пляже во время поисков, которые в этих пустынных районах велись с вертолета.

Хотя непонятно, зачем вообще везти тело убитой за шестьдесят километров от города, на вулканический пляж, и там сбросить в море? Тело, брошенное в море, обязательно выбросит на берег, моряк это знал. А там, где нашли Бьянку, черный песок, обнаружить на нем обнаженное тело проще простого. Первый же вертолет, летевший над побережьем, заметил его.

Стриженов открыл карту дорог Исландии и построил маршрут от порта до побережья.

Судя по картам, недалеко от Рейкьявика есть горячие источники, гейзеры, лавовые поля и кратеры вулканов. Природа страны позволяет тщательно скрыть следы преступления. Но тело словно специально положили на видное место, как на сцену. Словно подсветили: белая плоть, черный песок, получилось контрастно и заметно. Но зачем все это? Большая фантазия сумасшедшего или холодный расчет?

И наконец, почему осужденный моряк Николас Мосс сразу признался в хранении наркотиков, но не признался в убийстве и дважды подавал апелляцию? Зачем требовал проверить

пробег автомобиля и настаивал, что не мог добраться до пляжа, где нашли девушку. Почему он продолжал утверждать, что высадил Бьянку у дороги за портом, хотя признание и раскаяние могли существенно сократить ему срок?

Стриженов перечитал свой список и поморщился. Все, что он нашел, – мелочи, небольшие неувязки, странности, может быть, даже неточности в статьях. Каждая из этих деталей в отдельности может иметь простое, логичное и абсолютно рациональное объяснение. Но все вместе они складываются в довольно странную картину. В картину, где, словно в пазле, не хватает нескольких деталей, а без них изображение не может быть законченным.

Опыт подсказывал Стриженову, что в этой истории, кроме Бьянки и Мосса, обвиненного в ее убийстве, были и другие персонажи. Были люди, оставшиеся за кадром. И только они знали, что на самом деле произошло в ночь исчезновения Бьянки.

«Черт, Лиса, – мысленно выругался Стриженов, – как тебя угораздило ввязаться в это дело? Наркотики, убийство, моряки, детективы... Как ты вообще вышла на эту историю?» Стриженов снова посмотрел на заметки и буквально наткнулся на ответ.

«Мать погибшей девушки благодарна жителям острова за помощь и участие, но ей не нравится, что каждый год в день исчезновения Бьянки в стране отмечают самопровозглашенный день народного единства. Да, Бьянку искали тысячи людей, но это вовсе не означает, что после трагедии народ Исландии стал особенным и самым сплоченным, говорит женщина».

Дмитрий мрачно усмехнулся. Ну конечно, Лиса прибыла в Рейкьявик накануне третьей годовщины трагедии и дня памяти. Она жила в центре города, наверняка интересовалась жизнью столицы и 14 января услышала о деле Бьянки. Но почему усомнилась в виновности Николаса? Лиса, в отличие от Стриженова, не специализируется на преступлениях, она чаще пишет об искусстве или науке. Что заставило ее сопоставлять факты дела, искать нестыковки?

«Я, кажется, нашла его», – снова отчетливо услышал Стриженов голос Лисы.

– Нашла? – Дмитрий несколько раз повторил про себя это слово.

Вскочил, принялся ходить по комнате кругами. Он всегда так делал, когда сильно нервничал.

– Кого ты нашла, Лиса? След, свидетеля... Или убийцу? – спрашивал он охрипшим от волнения голосом. – Глупая рыжая Лисица! А если все правда? Если Мосс не убивал девушку, если где-то там есть настоящий убийца, жестокий, расчетливый, и это он тебя нашел? Может, в этот раз он хорошо спрятал тело, и тебя больше никто никогда не отыщет.

От мысли, что тело Алисы – мертвое, неподвижное, заледеневшее и изуродованное – лежит сейчас где-то под снегом, Дмитрия пробил дрожь, к горлу подступила вязкая тошнота. Стриженов сглотнул и покрепче сжал зубы, чтобы не закричать от злости, бессилия и отчаяния.

Глава 4

Второй закон настоящей дружбы

На следующее утро Стриженов позвонил в свою газету и сообщил главному редактору Владимиру Петровичу Мамонтову, что берет отпуск за свой счет и сегодня же улетает в Исландию. Он не спал в эту ночь, даже не ложился. Все взвесил, обдумал и больше не сомневался в своем решении. Стриженов понимал: ехать на край земли дико, возможно, бессмысленно, но по другому поступить не мог. Быть может, Лиса погибла. Разбилась на перевале или стала жертвой убийцы, которого каким-то непостижимым образом вычислила в чужой стране. Пусть так. Но пока остается хотя бы один шанс, что она жива, нужно попытаться ее найти, нужно хотя бы попробовать.

– Стриженов, ты свихнулся?! Какая Исландия? – завопил в трубку редактор. – Что ты там забыл? Тебе тут приключений мало? Так я найду.

– Там пропала моя... подруга, – коротко ответил Стриженов, – я хочу найти ее или найти того, кто виновен в ее исчезновении или гибели.

– Тоже мне отряд спасения и собака-ищейка в одном лице, – съязвил Мамонтов, но, помолчав, добавил: – Ладно, Дим, если ты уверен, езжай, ищи свою подругу. Я, кстати, знаю ее, нет? Не та высоченная блогерша без мозгов?

– Нет, не блогерша. Журналист Алиса Куратова.

– Постой, та самая Куратова? Алиса Юрьевна?! – Мамонтов часто говорил, что хороших журналистов в России немного и он лично знаком с каждым. Неудивительно, что московская тележурналистка с феноменальной памятью тоже была в списке его знакомых. – Я слышал, она пропала, где-то в горах, не знал, что в Исландии. Надо же! Дим, вы близкие друзья, да? А у нее ведь дети остались...

– Близкие. Еще с университета, – подтвердил Стриженов.

И чтобы дальше не отвечать на вопросы Мамонтова, молча положил трубку. Стал собирать вещи. До самолета оставалось часов пять. Еще нужно было подготовиться к поездке: дозвониться в МИД, попросить о помощи, без их вмешательства русского журналиста в чужой стране никто и слушать не станет. Потом заехать в банк, снять деньги на дорогу, все-таки Исландия дорогая страна. Благо Стриженов в последние годы хорошо зарабатывал и умело копил. Нынешний счет в банке и многолетняя шенгенская виза позволяли ему собраться в путешествие в считанные минуты и легко добраться практически до любого уголка земли.

Изредка поглядывая на часы, Дмитрий складывал теплые свитеры, шерстяные носки и рубашки в дорожный рюкзак и вспоминал, как двадцать пять лет назад ему предложили написать материал о таежном рок-фестивале. Дмитрий тогда учился на втором курсе университета и от таких предложений не отказывался. В конце концов, журналисту нужно имя, а оно само себя не сделает. Так что он, недолго думая, согласился осветить главное культурное событие далекого таежного края и приехать на фестиваль аж за шесть сотен километров от родного города.

Вот только одному тащиться к черту на рога было лень, и Стриженов позвал Алису.

– Аля, а махнем на Север? В лес, в тайгу, за туманом! Давай, а? Напишем о северных рокерах. Там знаешь какие суровые мужики?! Рыбаки, охотники, здоровенные, как богатыри, а в душе романтики. Песни пишут, стихи, на гитарах у костра бренчат. Не то что мы тут, циничные подростки. – Стриженов усмехнулся.

– Давай, – не раздумывая, согласилась Алиса, поправляя подол красивого трикотажного платья, выглядывающего из-под пальто.

Была осень. Листья желтели, облетали с деревьев и шелестели под ногами. До сессии было далеко, так что каждый вечер Стриженов и Алиса часами гуляли по улицам родного города, вдоль набережной, вдоль парков и скверов от квартиры Алисиных родителей до университетской общаги.

– Серьезно?! – Дима даже опешил, оттого что подругу не пришлось уговаривать.

– А почему нет? Завтра утром встретимся на автобусной станции и махнем. Ты журналистом, я фотографом. Годится? Только, Дим, я дома скажу, что в Новосибирск на конференцию, а то мама переживать будет, тайга все-таки.

Стриженов тогда поразился, как же легко Алиса согласилась с ним ехать. И всю дорогу удивлялся, глядя, как быстро городская девочка Аля Куратова превратилась в дикую рыжую лисицу. Как легко, шутя и играючи, общалась она с бородатыми рокерами, подпевала им, фотографировала, смеялась, училась играть на гитаре, перебирала струны тонкими своими пальцами. Как разгорался в ее глазах лукавый хитрый огонь, и люди вокруг, взрослые, суровые таежные люди попадали под ее колдовское обаяние.

Там, на таежном фестивале, Аля стала для Стриженова рыжей Лисой. Там он понял, что влюбился в эту лисицу, и поклялся никогда ее не отпускать. А на обратной дороге на заднем сиденье старого пропахшего бензином автобуса Лиса и Стриж придумали второе правило настоящей дружбы: если друг позвал тебя на край света, если ты ему по-настоящему нужен, отправляйся не раздумывая.

Сегодняшний Стриженов видел много медвежьих углов и не раз бывал на краю земли. Порой он даже сомневался, что она действительно круглая, слишком много было у нее границ, обрывов и острых углов. Он вообще во многом теперь сомневался: в законах, в религиях, в людях, в своем государстве, и, чтобы верить хоть во что-то, верил в те почти детские правила настоящей дружбы и собирался в дорогу, потому что Лиса прислала ему документы, потому что просила совета и хотела позвать его в Исландию. Хотела позвать, он был уверен. Жаль, не успела.

Добраться до Рейкьявика, столицы Исландии, Стриженов решил с пересадкой в Риге. Это оказался самый бюджетный и быстрый вариант. Еще ночью, утвердившись в решении искать Лису, Дмитрий купил билеты, а сейчас прибыл в аэропорт и отправился в свою спасательную экспедицию.

Бессонная ночь давала о себе знать, и весь первый полет из Петербурга в Ригу Стриженов спал. Он открыл глаза только после посадки, подхватил вещи и вышел из самолета. Четверть часа спустя, пройдя таможеню, Дмитрий зашел в кафе аэропорта, заказал черный кофе и сел за столик возле большого панорамного окна. Прошло минуты две, и к нему подошла официантка. Немолодая, лет пятидесяти, полная женщина, с уставшим, но приветливым лицом.

– У вас что-то случилось? – спросила она по-русски без акцента, подавая Стриженову кофе в маленьком бумажном стаканчике и осторожно, искоса рассматривая его.

Дмитрий вопросительно приподнял брови и дежурно улыбнулся.

– У вас такой вид, как будто случилось что-то плохое и вы не знаете, что делать. – Женщина смотрела на журналиста внимательно и участливо, дожидаясь ответа.

– Друг попал в беду, – неожиданно честно и серьезно ответил Стриженов.

– Вы сможете помочь? – так же серьезно поинтересовалась официантка.

– Надеюсь.

Она улыбнулась и кивнула, словно и не ожидала другого ответа.

– Хотите крендель? Свежий, только привезли. Ваших проблем не решит, но, может, настроение поднимет.

– Тоже немало. Несите ваш крендель. – Дмитрий снова улыбнулся официантке на этот раз вполне искренне.

Перекусив, он поднялся из-за стола, кивнул на прощание доброй участливой женщине, вышел из кафе. В ожидании своего рейса стал разгуливать по залу аэропорта и разглядывать сонных путешественников.

О Лисе Стриженов не думал. Просто не мог, потому что многолетний опыт в аналитической журналистике и сыском деле подсказывал: Алисы, скорее всего, нет в живых. И в то же время интуиция нашептывала журналисту, что она где-то там, среди снега, и он сумеет ее найти.

Минувшей ночью Стриженов много раз упрекал себя за эти мысли. За эту глупую неоправданную отчаянную надежду, что сводит с ума родственников без вести пропавших, не дает им принять очевидные факты и смириться. Но поделать он ничего не мог и сейчас просто гнал прочь любые мысли о Лисе.

За огромными панорамными окнами аэропорта шел дождь. Знаменитый январский дождь, как называл его Дмитрий. Журналист смотрел на крупные капли, скользящие по стеклу, и вспоминал, как в первый раз искал пропавшего. Это было лет двадцать назад, Дмитрий тогда только вернулся из Европы, поселился в Питере, работал репортером в районной новостной газете. Уже заканчивалась осень... Стояли холодные дождливые дни, а ночью столбик термометра не поднимался выше нуля. В тот день редактор отправил Стриженова в лес на окраине города просто понаблюдать за ситуацией.

– Там пацан какой-то пропал, – равнодушно сообщил он, – сейчас спасатели и поисковые отряды его ищут. Съезди, понаблюдай, пообщайся с родителями, с эмчээсовцами. Напиши статью.

В этом лесу в годы войны были то ли катакомбы, то ли подземные склады с оружием. Детей эти истории привлекают, вот и лезут туда, как тараканы. В восьмидесятых катакомбы засыпали, тоже после несчастного случая с какими-то мальчишками, но, видно, до сих пор остались входы, лазейки. Скорее всего, малец залез туда, своды рухнули, и прихлопнуло его в два счета. История не новая, банальщина. Но все равно давай напишем другим в назидание, тем более у нас в этот номер недобор по материалам.

Дмитрия тогда покорило, как равнодушно редактор говорил о пропавшем ребенке, как заранее был уверен, что он погиб. Тогда Стриженов решил, что выполнит это задание и уволится, поищет другое издание, где руководству не плевать на людей. А когда приехал к спасателям, сам предложил помощь. Но пока Дмитрий вместе с другими добровольцами под руководством опытного проводника прочесывал лес, он понял, почему редактор не верил в счастливый финал этой истории. Лес был огромный, густой, изрезанный широкими, извилистыми ручьями, а под землей тянулись на многие километры то ли ходы, то ли извилистые пещеры, по большей части засыпанные или обрушившиеся. И все чаще Дмитрий слышал от спасателей ужасные фразы, брошенные равнодушным, бесцветным голосом: «Поиски с предсказуемым финалом. Ищем до ночи, потом сворачиваемся, утром поставим на поиски одну группу. Все равно без шансов. В катакомбы хода нет, где искать, непонятно, ночи холодные. Если сейчас жив, к утру замерзнет».

Но в тот раз мальчика нашли. Незадолго до темноты отряд добровольцев услышал глухой стук из-под земли на северном склоне холма. Добровольцы по рации вызвали группу спасателей, те метр за метром осмотрели участок и нашли что-то похожее на широкую нору. Несколько часов спустя, уже ночью, в свете фонарей из катакомб вытащили дрожащего, перепуганного парнишку лет двенадцати. Мальчик сильно замерз, а при падении в нору сломал ногу, но он был жив, и Дмитрий вздохнул с облегчением.

– Парню очень повезло, – сказал Стриженову один из спасателей, когда журналист брал у него интервью, – так везет не многим. Он при падении ногу сломал, так что уйти вглубь пещеры не мог. Это и спасло. Пошел бы, засыпало. А так лежал под лазом, в который провалился, и стучал палкой. Там в углу листы металлические, ржавые, полуразвалившиеся. Вот по ним он

и стучал. Долго. Часов пять, может, шесть. Упорный парень и везучий. Услышали его. Раньше слышали, чем эти листы в труху рассыпались, раньше, чем он замерз, сдался или сознание потерял.

Дмитрий записывал слова спасателя и до конца не понимал, как повезло мальчишке. Он понял это гораздо позже, когда участвовал в других, менее удачных поисках. Когда, занимаясь журналистскими расследованиями, искал пропавших и смотрел в глаза людей, так и не узнавших, что стало с их близкими. Смотрел и ничем не мог им помочь. Но и тогда и сейчас он вспоминал слова спасателя, поднявшего мальчишку на поверхность: «Спасли, потому что искали, хотя шансов не было, а он спасся, потому что стучал, зная, что никто не услышит». Спасают тех, кто до последнего цепляется за жизнь, и тех, кого ищут. Поэтому сегодня Стриженов летел в Исландию. Он собирался искать Лису до последнего и знал: она тоже никогда не сдастся без боя.

Ближе к вечеру, когда дождливая серость за окнами сменилась полумраком, Стриженов поднялся на борт самолета. Сел в правый ряд возле иллюминатора и отправился в далекую снежную страну. В полете он читал путеводитель, просматривал карту страны и думал, что Исландия по количеству снега и суровости климата должна быть похожа на Сибирь, где он вырос. А судя по цифрам в путеводителе, все ее население в два раза меньше населения его родного города.

Но два-три часа спустя самолет оказался над островным государством, и Стриженов с высоты тысячи метров увидел, что Исландия не похожа ни на одну страну, где он бывал раньше. Обогнав солнце, Дмитрий прилетел сюда вечером, почти в то же время, в которое вылетел из Риги. В сером вечернем свете, глядя в иллюминатор, Дмитрий увидел бесконечное белое море снега, покрывавшее всю страну. Здесь не было высоких деревьев, лесов, больших светящихся городов или маленьких сел. Не увидел журналист и бесконечной паутины дорожного полотна, опутывающей весь остров. Из самолета ему открывалось только снежное море, голубые льдины и черные скалы, ошетилившиеся на темные воды океана.

Когда самолет коснулся земли и, теряя скорость, помчался по взлетно-посадочной полосе, Дмитрий увидел, что за бортом свирепствует непогода: сильный, почти штормовой ветер гнал куда-то огромные белые хлопья снега. Сотрудников аэропорта, одетых в яркие куртки с многочисленными светоотражателями, можно было различить на расстоянии пяти-семи метров от борта самолета, дальше они расплывались и пропадали за плотной снежной стеной.

– Как в таких условиях можно найти человека, пропавшего в горах? – в отчаянии пробормотал Стриженов. Потом глубоко вздохнул и мысленно приказал себе успокоиться.

«Два перелета и бессонная ночь не добавляют оптимизма, – мысленно рассуждал журналист. – Сегодня мне нужно забрать арендованную машину, добраться до отеля и выспаться. Завтра на свежую голову составлю план действий и начну поиски».

Стриженов подхватил свой ярко-зеленый походный рюкзак и вышел из самолета. Ледяной ветер мгновенно пробрал его до костей, забрался под одежду, обжег лицо, руки и шею. Дмитрий поднял повыше ворот куртки и быстрым шагом направился к автобусу, доставляющему пассажиров в аэропорт.

Терминал аэропорта не произвел на Дмитрия особого впечатления. Небольшой павильон, без излишеств и архитектурных экспериментов, достаточно удобный, по крайней мере, Стриженов сразу разобрался, куда идти. Внимание привлекали только стеклянный купол, поддерживаемый множеством металлических балок, да огромная карта острова на выходе из здания. Дмитрий поискал глазами злополучный перевал Экси. Как же далеко он от Рейкьявика! Как Лису вообще могло занести в такую даль? И главное – зачем?

Стриженов вздохнул, отошел от карты и в ту же секунду оказался во власти непогоды. Разъезжающиеся двери аэропорта выплюнули журналиста на улицу в холод и темноту. На острове сгущались сумерки. В тусклом свете фонарей Дмитрий заметил странную скульптуру. На куче камней красовалось огромное яйцо, из которого вылуплялся птенец самолета.

Поморщившись то ли от странного скульптурного решения, то ли от холода, Стриженов пошел к парковке напротив аэропорта и попытался отыскать свой автомобиль. Машину он арендовал еще в Питере. А через несколько минут после посадки самолета получил короткое письмо с номером автомобиля, местом, где он припаркован, и инструкцией, как добраться до города. Дмитрий машинально отметил, что сервис проката у островного государства явно на высоте, и отправился на поиски транспортного средства. Однако среди метели, сумрака и усиливающегося ветра оказалось непросто отыскать нужную машину. Минут пятнадцать Стриженов бродил, разбирался в маркировках секторов на парковке, пока, наконец, по чистой случайности, не наткнулся на арендованный темно-бордовый «рено-дастер». Дмитрий осмотрел машину, нашел на переднем колесе аккуратно спрятанный ключ и сел за руль.

Машина была совсем не новая, однако в хорошем состоянии и, судя по отзывам на сайте, подходила для зимних поездок по основным дорогам Исландии.

Это же сообщалось в памятке водителя, обнаруженной в бардачке, с одной лишь оговоркой. Под основным текстом мелкими буквами значилось: вождение по дорогам 578, F210, F323, F910 и F980 не рекомендуется.

Стриженов не знал, что это за дороги, где находятся, и изо всех сил надеялся, что они ему не понадобятся. Разобравшись наконец с автомобилем, Дмитрий включил навигатор и поехал по трассе в сторону Рейкьявика. По обе стороны от дороги переливались в свете фар и фонарей снежные поля, мелькали дорожные знаки и кое-где на горизонте огни невысоких домов. Для столицы государства в пригороде Рейкьявика было слишком пустынно и тихо. Машины на дороге практически не встречались. И у путешественника довольно быстро складывалось впечатление, что на улице или глубокая ночь, или он заблудился и попал в глухой, малонаселенный район. Борясь с этим ощущением, Дмитрий бросил взгляд на часы – восемь вечера, а затем на навигатор – по главной трассе острова до столицы оставалось около тридцати километров. Значит, вечер довольно ранний, а дорога верная.

«Это определенно не Москва и не Питер», – констатировал Стриженов и немного увеличил скорость.

Минут через сорок журналист добрался до города, такого же заснеженного, сонного и необычайно пустынного, как и пригородная трасса. Только из пары ресторанов в центре столицы доносились звуки музыки, голоса и ароматы еды.

Дмитрий сглотнул, он был голоден, но заезжать в ресторан не стал, сразу отправился в отель. Прежде чем ужинать, журналист хотел умыться, оставить вещи и посмотреть, где ему придется жить. Отыскав нужный адрес, Стриженов с трудом припарковал автомобиль и сквозь зубы выругался. Отелем узкий двухэтажный дом в переулке с пошлой неоновой вывеской можно было назвать с огромной натяжкой. Скорее это был хостел, рассчитанный исключительно на непритязательную молодежь. Стойка регистрации здесь располагалась в полуподвальном помещении, куда вела узкая крутая покрытая льдом лестница. За стойкой, конечно же, никого не оказалось.

«Отзывы нужно лучше читать», – отругал себя Стриженов за выбор жилья и постучал по кнопке звонка, вызывая администратора из глубин здания. Через несколько секунд тот появился. Худой, сутулый парнишка лет двадцати пяти, с бесцветными сонными глазами и спутанными лохмами на голове. Парень широко зевнул, вручил Стриженову ключи от номера 27 и на ломаном английском выдал дежурную информацию о завтраках, ключах, общем душе в конце коридора и полотенцах.

Дмитрий пропустил все это мимо ушей. Он собирался провести в хостеле только одну ночь, выспаться и завтра, закончив с делами, поехать на перевал Экси, где пропала Лиса. Поплутав по коридорам и лестницам, Стриженов обнаружил наконец свой номер. Это оказалось довольно просторное помещение, с односпальной и двумя двухъярусными кроватями. В углу комнаты располагались стол блекло-зеленого цвета, деревянный стул и раковина с узкой трещиной на боку.

Стриженов глубоко вздохнул, снова мысленно отругал себя, но теперь уже за избалованность. Было время, когда подобное место он бы принял за приличный отель и даже не подумал жаловаться. Впрочем, это было давно. Дмитрий снял куртку, запер дверь и, не раздеваясь, растянулся на односпальной кровати у окна. Минуту спустя он уже крепко спал.

Глава 5

Рейкьявик

Около шести утра Дмитрий открыл глаза и огляделся. «Где это я? Ах да, Рейкьявик. Исчезновение Лисы. Авария в горах». Дмитрий сел на кровати и поморщился от острой, ноющей боли в шее. Накануне он так устал, что не обратил внимания на сквозняк в комнате, и теперь шея, не терпевшая таких условий, отказывалась поворачиваться в какую-либо сторону. Дмитрий осторожно наклонил голову сначала вправо, затем влево. Чуть надавил рукой и поморщился, когда в шее что-то глухо хрустнуло. Попробовал покрутить головой. Получилось, хотя болело прилично. А впрочем, терпеть можно.

– Не ной, Стриженов, это просто старость, – подбодрил Дмитрий самого себя и открыл кран над расколотой раковиной, – раз болит, значит, ты жив.

Умывшись, журналист накинул куртку, бросил на себя в зеркало беглый взгляд – ничего хорошего, под глазами мешки, волосы короткие, темные, карие глаза смотрят настороженно и сердито. Вытащив из рюкзака блокнот и ручку, Стриженов кивнул отражению и отправился вниз, на поиски кухни и кофе.

С курткой журналист угадал. Завтракать пришлось в помещении на цокольном этаже, где поминутно открывалась и закрывалась уличная дверь. Та самая, через которую Дмитрий вечером попал в здание. В эту дверь выбегали студенты, торопившиеся на экскурсию, входили и выходили курильщики, дымившие на обледеневшем крыльце, заглядывали то ли торговцы, то ли экскурсоводы и новые постояльцы. Стриженов кутался в куртку, пил нестерпимо мерзкий кофе, жевал бутерброд с дешевым тонко нарезанным сыром и составлял план будущего расследования.

Первым делом нужно было узнать побольше о жизни Лисы на острове. Побывать в ее отеле, выяснить, куда она ходила, ездила, чем занималась во время своего путешествия. Проверить, не всплывет ли где-то дело Бьянки, которым интересовалась Лиса. И наконец, в шестнадцать часов пополудни встретиться с сержантом Рагнармом Хоульмом, который должен рассказать Стриженову о перевале Экси, где исчезла Лиса, о том, как ее искали и что смогли найти. Чтобы организовать эту встречу, Стриженову пришлось задействовать все свои связи, привлечь друзей из МИДа и задолжать ящик хорошего марочного алкоголя. Однако Дмитрий добился своего, получил по почте необходимые данные: адрес полицейского участка, дату, время и имя человека, который ответит на его вопросы.

Сейчас, закончив со списком дел, Дмитрий поднялся в номер хостела, забрал рюкзак и уже хотел отправляться в дорогу, как отчетливо услышал слова Лисы: «Дашь совет, что делать?»

Стриженов помотал головой, постоял, прислушиваясь, и ответил:

– Совет? Найдись. Немедленно, прямо сейчас возвращайся в отель, где бы ты ни была, – вслух сказал он и потер виски. – Господи, с ума схожу! Великолепно! Разговариваю с невидимыми друзьями. Хотя постой, как ты сказала: дашь совет?

Дмитрий кивнул самому себе. Ну конечно, слова Лисы, что он слышал у себя в голове, все из их последнего разговора. Тогда она попросила совета. И он предложил найти в Исландии русского журналиста. Кого-то, кто сможет поделиться информацией. Лиса пропала только через три дня после их разговора, она могла найти журналиста и даже встретиться с ним.

Стриженов достал из рюкзака походный ноутбук, вошел в Сеть и стал искать русских журналистов в Исландии. Сначала поиск ничего не дал. Но потом Дмитрию пришло в голову проверить русскоязычные статьи о деле Бьянки, сохраненные в файлах Лисы. Статей на русском было две. В одной сообщалось, что она написана московским журналистом Павлом Раковским

по материалам газеты «Гардиан», а вот другую написала спецкор из Исландии Наталья Пчелинцева. Дмитрий самодовольно усмехнулся, нашел журналистку в Сети, отправил ей короткое письмо. Он спросил, обращалась ли к ней Алиса Куратова, и если да, то не могла бы Наталья встретиться со Стриженовым и рассказать, что интересовало его подругу. Дмитрий очень откровенно сообщил журналистке, что прибыл на остров, чтобы искать подругу, и теперь собирает данные о ней.

Выключив ноутбук, Стриженов закинул на плечи рюкзак и отправился в город.

Еще в Петербурге, решив ехать на поиски Лисы, Стриженов хотел перезвонить ее сыну и узнать у парня некоторые подробности. Например, как называется отель, где Алиса останавливалась, какие вещи у нее были с собой, когда она прилетела, когда должна была покинуть остров и как часто выходила на связь. Но, поразмыслив, Стриженов решил, что сможет обойтись без этой информации. Он не хотел обнадеживать мальчишку, не хотел становиться между парнем и его отцом и сам до конца не верил, что поиски Лисы имеют хоть какой-то смысл. Жена Олега Соломятникова, мать троих детей, тележурналист Алиса Куратова пропала посреди зимы на горном перевале почти пять дней назад. И все, от сотрудников поисково-спасательных служб до любителей детективных телесериалов, знают, что это слишком долго, чтобы найти пропавшего живым. Разве что исчезновение Лисы не то, чем кажется на первый взгляд, не несчастный случай, а спланированное покушение или побег. Тогда оставался шанс, и Стриженов собирался искать и собирать информацию.

Первым делом нужно было понять, в каком отеле Рейкьявика останавливалась Лиса. Ее сын сказал, что отель располагался в самом центре города, и его окна выходят на Хатльгримскиркья. Подъезжая накануне вечером к своему хостелу, Дмитрий видел вдалеке силуэт этой церкви, а сейчас решил подойти к ней поближе, осмотреться и поискать отель Лисы.

Стриженов вышел из тупика, где располагался хостел, поморщился от яркого слепящего, но ледяного солнца и не спеша побрел по улицам зимнего Рейкьявика. Город был небольшим и невысоким, по большей части в два-три этажа. В его облике скандинавские черты тесно переплелись с европейскими. На берегу океана, куда Дмитрий свернул почти интуитивно, искрилась на солнце скульптура «Солнечный странник». Ладья, корабль викингов, которые приехали покорять необузданный остров. Дмитрий читал, если прийти к ладье на закате в солнечную погоду, можно увидеть, как солнце ложится в нее и отправляется в свое путешествие за горизонт. Рядом с «Солнечным странником» тысячей граненых стаканов переливалось угловатое стеклянное здание неправильной формы, что-то вроде современного торгового центра, а на другой стороне дороги теснились европейские домики с красной черепичной крышей, аккуратные церквушки, дальше по улице располагались заснеженные парки, скверы, озера.

Под ногами хрустел ярко-белый снег, морозец обжигал лицо, и все вокруг было нарядным и праздничным. За спиной у Стриженова белели склоны горных вершин, а по левую руку от него океанские воды плескались у берега, раскачивая баркасы, рыболовные и туристические лодки, выкрашенные в яркие цвета.

Но показная красота Рейкьявика не трогала Стриженова. Он много путешествовал. Было время, жил и работал в Германии. И там ежедневно учился видеть за открыточной красотой маленьких городов и деревень с точно такими же красными черепичными крышами серьезные проблемы и не открыточные пейзажи. Вот и сейчас Дмитрий свернул с парадных улиц вглубь города и оказался среди обычных жилых кварталов, местами серых, местами отчаянно небогатых.

Побродив по ним, он вышел на улицу, усыпанную барами, ресторанами и сувенирными лавками. Дома здесь были преимущественно яркими: синие, красные, радужно-полосатые, оформленные огромными граффити то игривыми, то зловещими, то бунтарскими, они весело разглядывали туристов. Тут и там сувенирные лавки предлагали гостям столицы увезти домой частичку скандинавского фольклора, флоры и фауны. С витрин на журналиста пялились все-

возможные тролли, эльфы, гоблины, викинги и древние боги, столь популярные в стране. А компанию им составляли плюшевые тюлени и тупики – маленькие птички с округлыми оранжевыми клювами. Но сувениры мало интересовали Стриженова, с гораздо большим интересом он изучал дома и улицы.

Рассматривая очередное граффити, изображавшее стаю волков и женщину-оборотня, Стриженов увидел на соседнем доме табличку с названием улицы и номером: Лейгавегюр 22. Память услужливо подкинула журналисту фразу из недавно прочитанной статьи: «в последний раз Бьянка мелькнула на камерах видеонаблюдения на улице Лейгавегюр в 05:25, после того как покинула клуб „Хурра“ в центре Рейкьявика».

«Так вот где это произошло, – мысленно отметил Стриженов. – Здесь Бьянка в последний раз прошла по улице. Она была пьяна, не твердо стояла на ногах, в статье сказано, что она столкнулась с прохожим, а потом рассыпала мелочь».

Она шла домой мимо этих зданий, клубов, магазинов. Где-то здесь, – Дмитрий прошел немного вдоль улицы до ближайшего поворота, – она свернула за угол и села в машину к моряку. К незнакомому человеку, к иностранцу. Несмотря на то, что утром ей на работу. Но зачем? Не нагулялась? Или была другая причина? И все-таки была ли вторая девушка, та, про которую говорили моряки? Могу поспорить, Лиса тоже думала об этом, бывала здесь и наверняка посетила знаменитый клуб».

Дмитрий уже решил пройтись по Лейгавегюр в поисках клуба и даже сделал несколько шагов вперед, когда увидел в конце улицы впечатляющих размеров и неподражаемой формы здание с крестом на крыше. Ошибиться невозможно, перед Стриженовым было самое высокое здание Рейкьявика – Хатльгримскиркья. Огромная, невероятная, неподражаемая церковь. Впрочем, если бы не крест и не фото в путеводителе, Дмитрий никогда бы не догадался, что это здание церкви. Слишком уж необычной была его архитектура: огромная высота, ступенчатые стены, словно столбы, плотно прижатые друг к другу и уходящие высоко в небо.

Стриженов прошел по улице, перешел дорогу, отделявшую площадь с церковью от домов и магазинов, и замер, восхищенно рассматривая величественный фасад здания. Он стоял так довольно долго, пока чей-то голос не вывел его из задумчивости.

– Вам нравится?

– Да, – выдохнул Дмитрий, – она невероятна.

Он оглянулся на собеседника и увидел мужчину лет шестидесяти, с густой светлой бородой, улыбочивым лицом и пронзительно-голубыми глубоко посаженными глазами. Несмотря на возраст, мужчина мог похвастать широкими плечами и завидной мускулатурой.

«Настоящий викинг», – усмехнулся про себя Стриженов, а вслух заметил:

– Я никогда не видел ничего подобного.

– Она не похожа на другие церкви, но похожа на саму Исландию. Понимаете? – по-английски, но с легким акцентом ответил мужчина.

– Не совсем.

– Исландия – страна льда и пламени, здесь горы сверху донизу укутаны ледниками, но и среди льда бьют кипящие гейзеры и извергаются вулканы. Вот церковь и напоминает: снаружи – извергающийся вулкан, а внутри – огромную ледяную пещеру с высокими сводчатыми потолками.

Дмитрий удивленно посмотрел на собеседника, а тот, нисколько не смущаясь, продолжил:

– А вы знаете, что колонны церкви – копии природного шедевра – базальтовых скал. Они на юге, вам стоит съездить, посмотреть. Архитектор, создавший Хатльгримскиркья, вдохновлялся нашими вулканами, пещерами и базальтовыми колоннами. И к слову, церковь не образец новейшей авангардной архитектуры, ее строительство началось еще в 1945 году. Можете себе представить?

– С трудом. – Стриженов с любопытством разглядывал разговорчивого незнакомца. – Позвольте я угадаю, вы архитектор?

– Виновен. – Мужчина рассмеялся, обнажив идеально ровные белые зубы. – Меня зовут Ларс. У вас был растерянный вид, – подумал, вам нужна помощь. Ищете что-то?

– Дмитрий, – представился Стриженов и, немного подумав, сказал: – Я ищу подругу. Она остановилась в отеле, ближайшем к этой церкви, но я забыл название.

– Хм. – Мужчина постучал себя указательным пальцем по лбу. – Возможно, вам нужен «Эрик Рыжий».

– Эрик Рыжий – это, кажется, первооткрыватель? – припомнил Стриженов.

Мужчина громко рассмеялся:

– Да. Но еще это отель у вас за спиной. Прямо, вон по той улице, метров двести. Там еще у входа такая странная скульптура. Не заблудитесь. Удачи в поисках подруги.

Новый знакомый крепко пожал Стриженову руку. Дмитрий кивнул и поспешил к зданию отеля.

Глава 6

«Эрик Рыжий»

Дмитрий без труда отыскал нужное здание. ОТЕЛЬ «Эрик Рыжий» оказался двухэтажным гостевым домом серого цвета без особых украшений и излишеств. Только перед входом стояла скульптура в виде нескольких уродливых лиц, нагроможденных друг на друга и тарасившихся в разные стороны, Дмитрию сразу пришло в голову выражение «четырёхликий лжец». По крайней мере, он бы назвал шедевр именно так. Глядя на серый фасад и скульптуру, журналист засомневался, что Лиса, с ее абсолютным вкусом и любовью к прекрасному, выбрала для себя именно этот отель.

Однако стоило журналисту войти в здание, как его сомнения рассеялись. Внутри «Эрик Рыжий» выглядел заметно лучше, чем снаружи: деревянная мебель под старину, картины на стенах, от абстрактных кругов до легких акварелей, уютные мелочи по углам: деревянные фигурки, изображающие птиц, декоративные цветные подушки, книги, свечи в изящных подсвечниках, и мягкая тишина, свойственная дорогим отелям, что не по карману студентам и семьям с маленькими детьми.

Пока Стриженов осматривался и думал, что делать, мимо него прошла пара: муж и жена лет шестидесяти. Оба элегантно одетые и ухоженные. Поравнявшись с журналистом, они вежливо поздоровались.

– Простите, – воспользовался моментом Стриженов, – где мне найти администратора?

– Администратора? А, вам нужна Эдда? Она хозяйка и местный пекарь, – ответила женщина с сильным скандинавским акцентом.

– Посмотрите вон там, – добавил ее муж и кивнул в сторону двери в глубине помещения.

Стриженов поблагодарил за помощь и распахнул нужную дверь. Это оказалась столовая: просторная комната с панорамными окнами, от пола до потолка, и огромным обеденным столом в центре. Стол представлял собой слэб – продольный спил ствола векового дуба. Огромная сучковатая столешница, испещренная трещинами и окантованная корой, привлекала к себе внимание почти так же, как старинный буфет, стоящий в углу комнаты, и высокий книжный шкаф у противоположной стены. Это была мебель с историей, мебель, хранившая тайны нескольких поколений одной семьи. Семьи, представительница которой сидела сейчас у стены за небольшим журнальным столиком, держала в руках дорогой современный планшет и с любопытством рассматривала Стриженова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.